

Живущая в Сети

Земфира спела для «Нашествия» заранее

В выходные на волнах «Нашего радио» пройдет двухдневный марафон, призванный заменить не состоявшийся в этом году фестиваль «Нашествие». Корреспондент «Известий» Алексей МУНИПОВ приехал понаблюдать, как идет подготовка к шоу, и оказался свидетелем редчайшего выступления Земфиры.

Известия — 2003 — 2 авг. — с. 1, 1а
Радиоверсию «Нашествия» сотрудники «Нашего радио» называют учениями. Все здесь призвано имитировать стадионный концерт: здание разграничено на зоны, в каждую зону свой пропуск, есть что-то вроде примерок, на видном месте висит по минутам просчитанное расписание — группы чешут без остановки, с утра до вечера, с редкими перерывами на рекламу и новости. Вместо поворотного круга, ко-

торый используется на стадионной сцене, чтобы между выступающими не было заминок, — две студии, одна побольше, другая поменьше, и задача в том, чтобы в доли секунды переключаться с одной на другую. Но задача эта для здешних профессионалов пустяшная, да и сам фестиваль в общем-то липовый, устроен он только для того, чтобы сотрудники не расслабились, а слушатели не забывали про

бренд «Нашествие». Впрочем, по радиийным меркам двухдневный беспосадочный концерт — вещь редкая; кажется, прежде никто ничего подобного не делал.

На послабления пошли только ради «АукцЫона» и Земфиры: их записывают заранее. Обман, конечно, но обман нестрашный: в конце концов, все 30 групп тоже можно было бы записать заранее, а потом пустить в эфир, и никто ничего не заметил бы — это же радио. Играют, по крайней мере, все живьем, а в Раменском Земфиры с «АукцЫоном» вообще не должно было быть. Так что скажите спасибо.

(Окончание на 10-й стр.)

Живущая в Сети

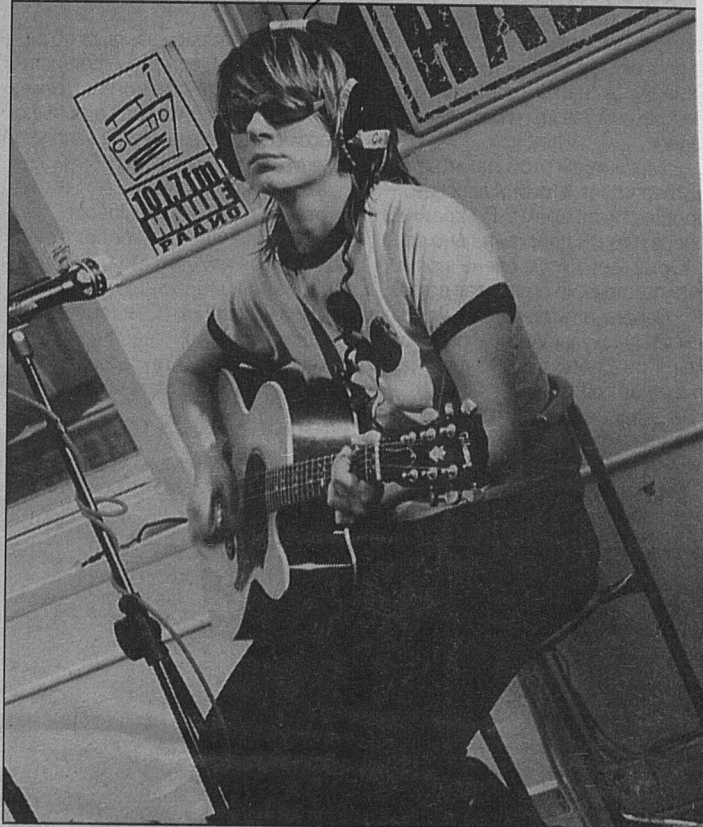
Известия — 2003 — 2 авг. — с. 1а, 1.
(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Земфира появляется на радио поздно вечером; на входе ее встречает трогательная табличка: Welcome Zemfira. Сегодня она здесь самый важный гость: этот приезд Михаил Козырев пробивал несколько месяцев. Земфира колебалась: сейчас она нигде не выступает, работает над новым альбомом с недавно набранными музыкантами и пока чувствует себя неготовой для публичных выступлений, пусть даже и в радиозфире. Согласившись, Земфира для верности приглашает двух проверенных музыкантов из «Мумий Тролля», с которыми записывала еще дебютную пластинку. Их присутствие не афишируется; операторов с МУЗ-ТВ просят ребят не снимать.

Разговор идет о пяти-шести старых песнях, но с новыми аранжировками и одной, долгожданной, — из будущего альбома. Ради этого Земфира проведет в студии почти пять часов, и все эти пять часов мы наблюдаем за ней через звуконепроницаемое окно: зрелище любопытное. Земфира распевается, ругается, хмурится, зыркает в сторону звукорежиссеров и беспрерывно, снова и снова репетирует места, которые ей кажутся опасными. На словах: «Мы готовы, записи!» в маленькую комнатку неуклюже набиваются телевизионщики с МУЗ-ТВ снимать драгоценные минуты. Земфира заметно мрачнеет. Вошедший вслед за ними Козырев объясняет, что так надо. «И про телеверсию ты мне говоришь только сейчас?!» — возмущается Земфира. «Это для репортажа, — говорит Козырев. — Очень быстро». «Ладно, понятно, — Земфира недобро обращается к операторам. — Молодые люди, вы мешаете, не шумите! И не переговаривайтесь во время записи! М-да, обстановочка». «Хорошего дубля не получится», — заключает она.

Дубль, по-моему, получается неплохой, но Земфире он не нравится. И второй тоже. Они играют «Прости меня, моя любовь» в чуть измененной версии, с волшебными клавишами. «Ну как? Плохо, да?» — спрашивает она, выйдя подышать. Кто-то из ее окружения говорит, что на репетиции было лучше. «Открыл Америку! — хмыкает она. — На репетиции ВСЕГДА лучше!».

Особенно долго не получается «Снег» — они придумали очень резкий, почти хардрокерский вариант, но все время путаются в новой аранжировке. После четвертого дубля я решаю сменить диспозицию и отправляюсь наверх: этажом выше, в комнатке Козырева, есть секретное окошко, глядя в него, ты как будто нависаешь над музыкантами. Демонстрируя этот столбля-

Земфира. Долгожданное появление на «Нашествии»

ровый вид, Козырев говорит, что сюда надо бы продавать билеты — неплохие деньги можно поднять. Внизу отчаявшаяся группа для разминки играет джаз; Земфира трещит вентилятор. Из полутемного коридора внезапно материализуется Дмитрий Гройсман, менеджер «ЧайФа» и соорганизатор «Нашествия». Его кабинет, оказывается, напротив. «Чумовой парень, — говорит он, наблюдая за клавишником. — Обалденный. С Земфирой с самого начала. И смотри, какой из него позитив прет. Он очень важную роль в группе выполняет — сглаживает все резкие моменты. А с ней ведь ужиться — это, знаешь...» Гройсман смотрит, как Земфира яростно долбит никак не получающийся «Снег», и заключает: «Маньяки. А вчера записывался «АукцЫон» — небо и земля. Вошли, воткнулись, отыграли сорок минут с полной отдачей, как на концерте, выключились и ушли. Все. Федорову говорят: «Может, хотите все-таки послушать, как вышло?» А он: «Да не буду я эту фигню слушать! Нам клево было, а вы делайте, что хотите».

Земфире не все равно. «Прикиньте, сколько у «Нашего радио» филиалов? — говорит она во время перекура. — И что, по всей стране будут слушать, как мы тут лопухаемся?» И снова идет все переделывать. Уже всем все нравится, а она высказывает и говорит: «Ну, кто тут честный? Фигня, да? Сама знаю, что

фигня». Наконец звучит и новая песня с припевом «Ты продаешь мою любовь за билеты домой», и это довольно приятный сюрприз: никаких гитар, плотный и веселый синтезаторный фанк, точь-в-точь Jamiroquai. «Ну, все на сегодня, — выдыхает она и уже на улице, когда музыканты выносят аппаратуру, а уставший охранник готовится вырубить ток, вдруг говорит: — Ладно, еще попробуем одну штуку под фоно». На часах два ночи, но все возвращаются. И тут наступает та магическая минута, ради которой мы, оказываемся, и сидели столько времени: Земфира поет под строгие фортепианные аккорды «Сigaretы» и «Бесконечность». Свет специально выключен; в темноте видны только ее профиль и наверху, в окошке, туманный силуэт Гройсмана, напоминающий какой-то диковатый ночной спецэффект. Все сидят не шелохнувшись; сейчас совершенно ясно, что вот эта взъерошенная девушка в майке с Микки Маусом — действительно большая певица. Момент волнующий: кажется, что присутствуешь при историческом событии. Через пару дней эту запись услышат по всей стране, а сейчас ее слушаем только мы, человек пять или семь, в темноте, ночью.

Тут Земфира заканчивает играть и громко говорит: «Нет, ну какой все это обман!» Она выходит и снаружи оглядывает пустую студию. «Живой эфир... Э-эх!».